

18+

Александр Даниф

*Вариации
на тему «ЖИЗНЬ»*



Александр Даниф
Вариации на тему «жизнь».
Прозопоэтический сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602500

ISBN 9785449800824

Аннотация

У вас в руках необычная книга. Обозначим ее жанр как прозопоэтический дневник современного путешественника. Записки странствующего трубадура повествуют о путешествии из-за границы в Россию, из Москвы в глубинку, из мира внешнего во «внутреннюю Монголию» и обратно. Основной мотив сборника – это поиск смыслов в мире, полном отвлекающих обстоятельств. Опросник в конце книги предлагает вам выявить свой психологический портрет. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вариации на тему «жизнь» и кода	6
1. Вопрос – это движение	10
2. Сотворение	14
Вариация на заданную тему	16
3. Рассуждение	17
4. Знамение	22
5. Сборы	24
6. Поиск первопричины	29
7. Предварительное заключение	31
8. На пепелище	34
9. Люди-перекрестки	36
10. Прага	39
11. Берлинская зима	41
12. Гадание по руке	46
Вариация на заданную тему	48
13. Тайны подземелья	49
14. Дуэт Единогo	56
Вариация на тему «блюз»	58
15. Отправление в неизвестность	59
16. Сомнения	65
17. Дороги	67
18. Размышление о времени	73
Скерцо на тему «постскриптум»	75

19. Досужие домыслы

76

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Вариации на тему «жизнь» Прозопоэтический сборник

Александр Даниф

Художник (карта, костер) Ирина Дубровская

Дизайн обложки, иллюстрации Татьяна Корнилова

Корректор (стихи) Венера Ахунова

Редактор Виталий Богамир

Корректор (проза) Сергей Барханов

© Александр Даниф, 2020

ISBN 978-5-4498-0082-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вариации на тему «жизнь» и кода (импровизация вступления)

Да, жизнь – прекрасна, спору нет,
гибка, изящна, целомудренно беспечна
и беспощадна, и жестока, и слепа,
космически богата и по-нищенски бедна,
в скорой медлительности быстротечна.

Изысканно возвышены ее стихи,
и рифмы строгие изменчиво игривы,
и фразы нагромождены, пугливы, сказочно легки,
послушны и податливы, характерно строптивы.

Да, жизнь – чудна, пьяна, магически исполнена вина
и в мелководной бездне широка, реки безбрежны,
гладка ее высокая волна, спокойна буря,
в стенаниях восторг, в рыданиях счастье безутешно.

Размеренно ее водоворот затягивает душу вглубь,
но тело крутится, всплывает на поверхность,
в хмельном угаре чувствуется соль и суть,
а в трезвости просвечивается брэнность.

Просты сюжеты, и грубы по-инфернальному ее холсты,
пронзительно контрастные цвета зияют пустотою,
насыщенно поблекли краски, основательны могильные
кресты,
и взгляд, как у Мадонны и младенца Рафаэля,
упоительно спокоен.

Да, жизнь – взбалмошна и в яростной любви нежна,
в серьезности структуры бешено смешна и в похоти без-
грешна,
напыщенно скромна, неряшливо небрежна и длинна,
когда стоишь вначале; коротка, если взирать в конце
неспешно.

Заступница, преступница, страстно желанна, жарко хо-
лодна,
правдива склочница, бессребреница бережливо лжива,
уступчиво надменна и ревнива ночью,
нет в лунных глазницах сна,
в них слезы радости, вуаль туманностей и бесконечность
созвездиями в крапинку блестит и перемигивается живо.

Ее мелодия честна, добра и вычурно нелепа, в ней шум
дождя,
шелест листвы, волны прибоя, парение ветерка и птичьи
трели

смешались в какофонию,
гармонией ласкают уши, благозвучно злят
и перекрикивают вой литавр, флейты стук и звон виолончелей.

И в дисгармонии порядка смысл бессмыслицы познав
и уяснив
пристыженную правду хаоса,
весомость бытия, значение обмана,
погруженная в истину душа перерождается
и начинает верить в вечный миф
о карлице-звезде, взлелеянной из искры прародителя-титана.

Одно перетекает во второе, третье породит само себя,
четвертое настроено на семизвучие дорийской гаммы,
пятое дышит, но безмолвно бредит, медленно переходя
к апофеозу и к концу-началу по канонам театральной драмы.

Чуть слышна поступь,
но уверенно тверды шаги, продуманы ходы,
отрезаны пути назад, классически расставлены фигуры,
умело скрыты, зашифрованы, запутаны следы,
в рисунке линий на руке,
в зрачке, в изломах греческой скульптуры.

Ладья, и слон, и ферзь на миллиардноклеточной доске
идут по правилам нешахматной игры-многоходовки,
их в цепочке событий облик
подсвечивает солнцем карту из прожилок на березовом
листочке,
и Демиурга замысел не ясен, но утонченно прекрасен
и в уме находит отклик.

Да, в жизнь зовет священная весна,
на всех одна, в кокон молвы закутана,
известна норовом и прилежанием,
с сумой знакома незнакомка
и рогом изобилия, она
почти наскучила:
изучена, озвучена, описана на все лады,
расписана по пунктам, в вариациях совсем не нова,
но и людьми измучена,
поклажей на ослов навьючена, и вздрючена, и скрючена,
как горный серпантин, закручена и обжигающе любима
и мила
за то, что каждое мгновение удивлять готова.

1. Вопрос – это движение

«Отчего есть призвание внутри человека, и зачем ему в горы идти и ветры вершин покорять?» – спрашивал я себя в знаменательном 2008 году, волею судеб оказавшись в Берлине. Длинный вопрос, замешанный на тяжелом тесте бесконечных размышлений.

«Что знаменательного случилось в этом году?» – спросит воображаемый читатель, заглядывающий через плечо, пока моя рука выводит набор закорючек на листе невинной бумаги. Наверное, в первую очередь это само число, сопутствующее всю сознательную жизнь, а тут еще и годков тебе двадцать восемь, и год с теми же цифрами, разделенными двумя нулями. А в этих нулях, при должных аналитических способностях, чего только ни разглядишь – и вечность, и бесконечность, и, прости господи, туалет. Кто-то ведь придумал использовать эти два нолика для обозначения сортира, то ли по аналогии с окружностью мишени для отходов человеческой жизнедеятельности, то ли еще по каким-то ассоциативным соображениям.

Все-то человеку, и мне в частности, хочется поставить под знак вопроса. До всего докопаться, «дойти до самой сути», как правильно подметил Борис Леонидович. При этом копаем-то мы для чего? Для того, чтобы потом остаться с тем же

вопросом или, еще того хуже, заключить, что «нет ничего нового под солнцем»? Или в лучшем случае увидеть в «незнакни одно прискорбное, но страшного в том нет»?

Почему, однако, в вопросе видится тупик неизвестности? Правильно заданный вопрос – это уже и готовый ответ, и направление для изысканий, а там и новый вопрос обрисуется и уже другой ответ в гости попросится. Вопрос во многом интереснее утверждения и постулата, так как представляет собой открытое пространство, в котором существует множество вариантов решений. Та самая пресловутая амбивалентность, которой любят пугать неопытных слушателей великомудрые лекторы. Слово-то вычурное, а суть простая – распутица: налево пойдешь – коня изломаешь, направо – сам голову сложишь, повернешь назад – всю жизнь вспоминать будешь, мучаясь в неведении.

Самое интересное как раз в том и заключается, чтобы в этом множестве путей «верные» варианты нащупать, ухватить нужную нитку от клубка Ариадны.

На этом месте подключается начитанная птица-секретарь, которая дает справку: для поиска можно использовать разные способы. Можно искать интуитивно – то есть так, как внутренний голос подскажет. Можно искать индуктивно – то есть нащупывая малые связующие звенья, которые ведут к большему. Наконец, мы можем воспользоваться дедукцией – то есть, рассматривая целое, пытаться разобрать общую картину на малые кусочки (винтики, пиксели, штришки).

Вопрос – это перемещение, как мысленное, из точки А в точку Б, так и духовное, из одного мироощущения в другое – поход в дебри собственной души в поисках света, даже если интуиция подсказывает, что конечного ответа не предвидится. Впрочем, и любой профессор, светоч прикладной науки, согласится, что копание вглубь длится бесконечно и, сколько бы человек ни работал над разгадкой, всегда остается нечто малое, неопознанное, требующее дальнейших исследований. Чем дольше размышляешь на эту тему, тем больше уверенности возникает где-то внутри. Вот именно, что где-то, ибо где может храниться уверенность (как некое биохимическое соединение), кроме каких-то областей серого вещества в голове?

Итак, спустя пять лет и три месяца с того дня, как во мне возник этот сакраментальный вопрос, запечатленный в виде стихотворения, перевожу всю эту последовательность импульсов мозга в мир материальный и прихожу к промежуточному выводу, что вопрос (особенно внутренний вопрос в виде душевных мук, беспокойства и психического напряжения) – это дорога. Дорога со всеми ее поворотами, перекрестками, развилками, развязками, съездами на обочину, обгонами, горными серпантинами и резкими спусками в котлован, с остановками, чтобы перевести дух и размять ноги, и попытками наверстать упущенное. «Дорога» (вы запомни-

ли слово «амбивалентность»?) во всем множестве значений этого слова. Некий путь, который нужно пройти, ибо сидеть на месте просто невмоготу.

Дорога, как и жизнь, – это движение, осмысленное с пунктами отправления и прибытия, или неопределенное, под действием стихий. Движение – это смысл всякого живого тела. Пока не дошел до инертности высокого возраста (или, правильнее сказать, до инертности сознания, которое с возрастом не обязательно связано), надо двигаться. Куда? Неужели из Москвы в Петушки? Нет уж, дудки – в наше время расстояния для путешествий увеличились в разы. Как увеличились и вопросы, подлежащие решению во внутреннем порядке. И если лет сорок назад писатель отправлялся в нехитрую дорогу за сто верст на электричке, вооружившись бормотухой и алкофилософией «Сто бед – один ответ», то в наше сумбурное, хаотичное время сверхпотребления «коллекционер новейших истин» уже летит за тысячи километров – в другую страну, а то и на другой континент.

Так что в этом случае и именно в этот отрезок жизни мне надлежало отправиться в Москву, Тамбов и Борисоглебск, а затем и на малую родину...

2. Сотворение

Да, так сложились обстоятельства,
и так угодно было звездам,
что отражение их в колодце духа моего
мне стало умопомешательством
и погрузило в бездыханный, но одухотворенный космос.
Я был водой и плыл безвольно просто по течению,
где водопад, где шум и гул, потоком низвергается
река событий, и Земля-клубок из многих наслоений
туманом восстает из пыли, закрутившись, катится.
Затягивает бездна в глубину души сознания,
окатывает звуком и безмолвной дрожью сообщает телу
момент кручения и силу колебания волны,
тогда как ощущения верны, размыты образы,
слова разлиты, цветом размазаны, как тушь,
как неопределенность, эфемерность акварели —
слова успели задержаться в памяти,
сложиться в очертания и затвердеть
как стенки кровеносного сосуда,
как буровая скважина бездонного колодца,
в который можно падать бесконечно,
смыслы искать и находить сомнения

и верить, и любить, и бредить,
и сотворить из пустоты подобие предмета,
мысль, идею воплощения,
из мира образов в мир материальных благ
переносить в свой микрокосмос осязания семя,
из воздуха лепить зерно и бросить в землю,
там возвращать свой знак – снисходит знак
и просит упорядочения, умиротворения,
все это звенья и частицы у одной цепи
закрученной, изобретательной и ровной,
в которой код сокрыт и суть,
и предсказания тянутся и гнутся нитью безусловной,
нанизан на оси спиралью смысл
модели генетического склада мира —
и вертится круговоротом, коловратом, шаром,
петлею замыкает восхождение заката солнца
и исчезает, и воссоздает себя.

* * *

Вариация на заданную тему

*Учитель мой, спасибо за науку.
Денис Новиков*

О, этот верный спутник жизни дрожь
в коленях – в сердце злой туман мелькает.
Без дрожи этой, право, не поймешь,
что горя, как и счастья, без ума нет.
Без боли уничтожишь свой остов
гораздо раньше, чем себя познаешь.
Без веры не услышишь плач китов
и рев слонов: скорее, залатай брешь!
Землица-мать, вам с наших плеч видней,
где жизнь имеет смысл, перспективу —
мы гибнем от жестокости людей,
весь мир имеющих и в хвост, и в гриву.
Пусть небо шлет на землю ураган,
и око смерча тайно поглотит их;
разверзнет свои хляби океан,
останется ль мираж, как святой триптих,
нам все равно, на службе состоим
у высших сил, безлюдия стихии.
Ты просишь подождать, дать слово им?
Ну что же, почитай хотя б стихи и...

3. Рассуждение

Всякий раз, когда у Вселенной имеется для тебя какой-то план действий, обстоятельства складываются предельно удачным образом. Какие-то неведомые силы организуют пространство так, что из трех измерений складывается русло реки, в котором ты свободен плыть в пределах заданных берегов. В движении твоём существует определенная свобода действий, общее направление, однако, остается неизменным. При этом ты волен делать довольно большое количество отступлений и зигзагов. Все равно поплывешь в нужном направлении, а в конце концов твое брентное тело вынесет к тому океану, в который впадают все реки.

Пусть кто-то обвинит меня в апофении, то есть клинической способности видеть несуществующие взаимосвязи в случайных событиях. В конце концов, что есть случайность? Даже прожженные прагматизмом физики признают, что и в случайностях есть определенная закономерность, которую еще только предстоит выяснить и зафиксировать в математических моделях. Оказывается, что и хаос гораздо более упорядочен, чем нам виделось сто лет назад.

Сам я предпочитаю размышлять о синхронии Карла Густава Юнга, то есть представляю себе события основанные

ми на некоторых малоизученных взаимосвязях, которые еще только предстоит разгадать человечеству. Пока же под действием укоризненного взгляда воображаемого читателя заставляю себя перестать умничать и кивну на некую выгодную случайность, которая способствовала перемещению моего тела в пространстве и времени.

Помнится, что обстоятельства сложились удачным образом и в прошлом году, когда Вадим и его жена Оля решили отметить День Победы в Севастополе, а мне посчастливилось в кратчайшие сроки найти попутчика в том же направлении на те же даты. Так было угодно звездам и в этот раз, если перейти от научной терминологии к высокому слогу, хотя что в нем высокого? Только то, что звезды находятся вне досягаемости?

Мой друг Вадим наконец-то выкроил в своем плотном графике самозанятого бизнесмена недельку для совместного похода именно в тот момент, когда в моих внутренностях созрело очередное тяготение.

Мы созвонились, быстро договорились о встрече, и хотя путешествие еще не началось, уже появилось ощущение, что дело сдвинулось с мертвой точки. «А где дело, там и тело» – так пошутил бы мой закадычный друг. Или я сам придумал эту нехитрую шутку?

Договорились о том, что я бросаю все свои заботы и хлопоты, еду к нему в Москву, оттуда мы отправляемся в Воронежскую область, а там уже нас встречают соратники

по сплаву на байдарках. Что ж, когда внутренний вопрос вызывает напряжение, бросание дел происходит особенно легко и, я бы даже сказал, с энтузиазмом – благо что в наше во многом замечательное время можно себе позволить эту легкость на подъем. В приподнятом настроении начал искать бюджетные варианты перемещения брэнного тела из Берлина в Москву.

Волка ноги кормят, а художника – идеи и... тоже ноги. Убеждался в этом много раз. Поскольку труд творческого человека до поры до времени не ценится, приходится заниматься черт знает чем, зачастую выкраивать и выгадывать, семь раз примерить, прежде чем выложить последний рублик на потную ладошку мирового капитализма. Там, где счастливый обладатель высокооплачиваемой офисной работы легко приобретет билет на самолет и улетит на белые пески великолепной Греции, «сырый и убогий» художничек или музыкантишка подсчитает копеечки, вздохнет и отправится в скромное путешествие по городам и весям России на лодчонке или пешкодралом. У каждой стороны медали есть своя цена: обмен денежных средств на материальные блага и комфорт при ощутимых ограничениях или мнимая свобода вечного безденежья, названная с подачи легкомысленной современности нищевродством.

Гадай не гадай, думай не думай, а ехать надо, коль скоро человеку свойственно только предполагать. Так что под-

ключаем генератор идей, выходим в информационное поле, запускаем межвидовую информационную сеть «дзинь-дырнет» – и вот уже решение найдено. В очередной раз поеду на попутке, найденной на автомобильном форуме. Ну а что? Дешево и сердито. Готовь пятую точку к продолжительным посиделкам с чудесными попутчиками. Это если повезет. Но коль скоро частицы мозаики сами собой складываются в единое целое, с попутчиками тоже должно повезти.

Некий Владлен (какое характерное имя!) едет на своем микроавтобусе аж из самой Франции в Торжок. Естественно, через Москву. Как пелось в какой-то древней песенке: «Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога. Та-да, та-да, та-да-дам...» А вместо припева из подсознания доносится бодрый ответ на четыре аккорда:

Значит вперед, значит опять
Ночь и на закуску – туман.
Врешь, не уйдешь! Стылая дрожь
Вновь наполняет стакан.

Мама, мне не до сна...

Время вставать, время идти,
Время кричать в умат.
Когда стихли шаги и быют фонари
Дробью в город, как каземат.

Мама, ему не до сна...

4. Знамение

Божьи коровки облепили мне окна.
Как-то неловко сметать их в сторону.
Благодарю, что не черные вороны
надо мной кружат и каркают ровно.

Знак ли такой свыше
я получил в полночь,
или это стучит по крыше
какая-то пьяная сволочь?

Как мне проникнуть в утро?
Пустоту в сердце, музыку в уши?
Как переделать свое нутро,
чтобы было свежо да не душно?

Божьи коровки, летите с богом
туда, где тепло и пахнет душицей,
туда, где сено лежит стогом,
туда, где беспечно вам жить и трудиться.

Здесь повременю я, и буду верить

в то, что успею создать, что задумал,
распутать клубок мыслей и суеверий
и выйти на свет, покинуть свой угол.

5. Сборы

Итак, любитель моторизированных путешествий Владлен собирается поехать на своем микроавтобусе из Франции в Россию. Часть его «наполеоновского» маршрута решил разделить и я. Цену, конечно, французский автолюбитель русского разлива заломил нескромную, однако если он все время сидит за рулем – это ведь тоже работа, получается. Посему торговаться не стал, тем более человек родом из Торжка. Бог нам судья, в конце концов.

Едем через два дня. Да хоть сейчас. Нам и два дня много, когда настроение духоподъемное. Кому это нам? Про себя в третьем лице да по-царски? Нелепость какая-то получается. Что-то вроде: «У бар бороды не бывает». «По-царски, да не по-пацански» – лезет в голову незатейливый каламбур. Как однажды объяснила мне эзотерически подкованная путешественница, эта особенность русского языка говорить о некоем неопределенном человеке во втором лице чрезвычайно расхолаживает человека. Всякий раз нужно произносить «я», когда хочется обобщать, – утверждала она. Коль скоро хочется философствовать – говори про себя в первом лице, а не про какого-то неопределенного «ты». Особенно в диалоге – тыканье звучит так, как будто речь идет о собеседнике. С этим пришлось согласиться, не преминув ввинтить поправочку на то, что и в английском тоже гово-

рят неопределенное «you» или «one», значит, и они далеки от совершенства и не хотят смотреть правде в лицо.

Посему отступаем от «мы» и «нас» и называем вещи своими именами. Настроение, стало быть, можно описать простейшим «да хоть щас». Терпеть уже нету мочи, готов прямо так, с пустыми карманами прыгнуть в самолет и лететь к черту на кулички, лишь бы притушить эту внутреннюю жажду поиска неизведанного и неразгаданного. Теперь только окончательно понял того американского парня, который прилетел в Москву с одной только кредиткой «Амекс» без единого цента наличных денег, наивно полагая, что с ней ему откроются двери в русский рай. Что же, пришлось ему скорректировать свою картину мира, брать займы и ждать, пока папа переведет деньги из США. Надо будет об этом повспоминать поподробнее, только позже.

Посмеиваясь над другими, главное – самому не попасть впросак и взять все необходимое. Вот и замечательно, берем с собой needful things, но обходим стороной магазинчик Лиланда Гонта. Вот ты собираешься в поездку (то есть я в данном случае), посмотрел по сторонам, походил по комнате, почесал репу, взялся за одно, другое, третье – и решил: собирать-то особенно нечего. Деньги, паспорт, рюкзак и жидкие пожитки – все, что нужно путешественнику для его скромного счастья. Едем на микроавтобусе, а это значит, что теоретически можно взять и гитару, но поскольку обратный путь лежит в тумане будущего времени, который не исклю-

чает авиаперелетов, приходится брать только самое необходимое и транспортабельное.

Эх, путь-дорожка фронтовая... Путешествовали же раньше люди с одной только котомкой за спиной, без сменной одежды, обуви, лекарств, электронных устройств, карт, книг и прочей дребедени. Сколько же барахла возит с собой современный человек? Кажется, что с каждым годом количество «необходимых» вещей становится только больше, а человека «вне вещей», соответственно, меньше. Лиланд Гонт потирает свои ручки и приглашает в свой магазинчик.

Чем больше человек зависит от внешних устройств или инструментов, тем меньше он значит, лишенный этих искусственных дополнений к своей личности. Уверен, например, что сегодняшний турист берет с собой в разы больше продуктов и предметов экипировки, чем, скажем, лет двадцать тому назад. По одной лишь той причине, что существует гораздо большее количество предметов, которые можно положить в рюкзак на всякий случай. А среди предметов первой необходимости найдется и хороший процент вещей не особо нужных, но предлагающих некий дополнительный комфорт или создающих видимость такого комфорта. Вроде набора приспособлений для выживания в экстремальных условиях, которые наблюдал у туриста, совершающего двухдневное путешествие по речкам Подмосковья, в хорошо населенной местности. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы нашлось место в саквояже.

На этом месте следует сделать два отступления от канвы повествования и прояснить (насколько это возможно), кто такой Вадим и кто скрывается под личным местоимением первого лица. Наметить горизонты, сделать разметку поверхности линейного повествования. То есть не только нализывать бусинки на нить, как любит повторять один известный литератор, но и пояснить, из чего сделан кулон и прочие подвески.

Итак, кто и что есть я? О том, что я – «только краткий миг чужих существований», нам известно из стихотворения Николая Алексеевича, однако рискну предположить, что объема этой информации воображаемому читателю будет недостаточно. Ведь в первую очередь неясно, кто этот человек, который говорит за кадром, и человек ли это говорит или рукой его водит некое информационное поле, а высшее провидение нашептывает ему некие откровения? Откуда он взялся? Какой вариант ответа наиболее приближен к истине?

Уклончиво отвечу кусочком из двадцать третьего сонета Уильяма, понимаете ли, нашего Шекспира:

*O, let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love and look for recompense
More than that tongue that more hath more expressed.
O, learn to read what silent love hath writ:*

To hear with eyes belongs to love's fine wit.¹

¹ Пусть в моих книгах красноречья свет — немой посланник из глубин души — к любви взывает, требует ответ сильнее, чем язык смог в звуки вшить. Учись безмолвие любви читать: глазами слышать — это ей подстать. (перевод: Александр Даниф)

6. Поиск первопричины

Мне женщина нужна как воздух.
Мне женщина важна как небо,
что отражается в безбрежных водах,
я говорил луне,
закованной в доспехи изо льда и снега.

В зеркале лат ее блестит отрадой
отображение солнца-исполина.
Того, которому наградой
любовь служила. Злою миной

она взрывалась и метала
осколки в души. Платье сбросив,
она смеялась и рыдала
в обилии красок, как золотая осень.

Копье сломала, (щит пробило древко,
отбросив прочь забрало и сомненья),
низвергла в пропасть ловкой девкой,
не помогли мне ухищренья.

И я, как волк, отведал крови
сердец, пронзенных острой сталью,

погибших от амуровой остроги,
усопших в ужасе своей печали.

Стоял среди зверей и удивлялся миру,
в котором ночь на день похожа,
 воденеют очи,
достал свою поношенную лиру
и песни стал слагать о том,
 как человек непрочен.

7. Предварительное заключение

«Ищите женщину», – любят повторять французы (по крайней мере, это то немногое, что мы о них знаем), и совет этот не лишен основания. Мир хоть и сложно устроен, но все же в своей сложности предельно прост. А прост он в первую очередь тем, что многое в этом мире повторяется – из поколения в поколение, из эпохи в эпоху, из одного агрегатного состояния в другое. Мир микробов поразительно похож на мир людей, а мир элементарных частиц отображает вселенские взаимоотношения гигантских небесных тел. Силы природы в космическом понимании этого слова проявляются в одних и тех же закономерностях, но в разных масштабах. Золотое сечение воплощается с легкой сменой ритмов и игривой подменой понятий и в строении раковины улитки, и в соцветии растений, и в пропорциях человеческого тела.

Не видит этого только «цивилизованный» «сверхчеловек», исполненный суровой серьезности своего величия. Величия человека, который пытается разложить изучаемое явление по полочкам. Исследуемый предмет следует расщепить, разломать на кусочки и рассовать по карманам памяти, чтобы потом констатировать свою идеальную осведомленность о его мироустройстве. О том, что в процессе анали-

за, то есть погружения в суть устройства предмета, теряется способность видеть слагаемые макромира, говорить не принято.

Если на этом месте вам захотелось воскликнуть: «Поближе к делу, Склифосовский! При чем здесь золотое сечение, схожесть миров и женщина?» – спешу вас поздравить: вы только что ощутили на себе вышеописанное влечение к расщеплению предметов и упустили возможность открыть для себя полную картину. Памятуя о незавидной участи Аркадия Аполлоновича Семплеярова, воздержимся, однако, от требования сиюминутных разоблачений и попробуем приближаться к истине шаг за шагом, постепенно переставляя буквы в анаграмме нашего восприятия.

Тешу себя надеждой, что в один прекрасный момент нас посетит осознание того, что вопросительный знак не является такой уж невыразительной сущностью. И мнимое отсутствие однозначного ответа несет в себе прекрасную цветовую гамму, в которой скрывается гораздо больше ответов по сути вопроса, чем в голословном утверждении.

Так, вопрос «Кто есть я?» несет в себе несоизмеримо большее количество возможных вариантов ответов со всевозможными оттенками, сносками и правками, чем, к примеру, утверждение «Я – писатель» или «Я – Дормидонт». Мнимая однозначность такого рода утверждений и в подметки не годится той многоуровневой этажности смыслов, которая возникает перед нашим воображением под воздействи-

ем вопросительной интонации.

Многоэтажность смыслов возникает, конечно, только если вдуматься в вопрос, а не хвататься за первые попавшиеся ассоциации. Опять кивну на довлатовские измышления из разряда доморощенной философии, где он не очень умело фиксирует важную мысль: полезнее спрашивать «Не говно ли я?», чем кичиться своей принадлежностью к какой-либо профессии, национальности, конфессии и прочим названиям или группам.

Вдумавшись и поразмыслив, добавлю к этой идее пару штрихов. Полезнее вообще задаваться вопросами. Как вопросом «Кто я?», «Где я нахожусь и почему я нахожусь именно здесь и сейчас?», «Правильно ли я поступаю?», так и тысячей других, из них вытекающих и им сопутствующих.

Задаваться вопросом и не тешить себя сиюминутным ответом – это и есть высшая эквилибристика ума, гибкость мышления, и движение вперед. Вы спросите: «Куда вперед?», «Кто знает, что там впереди?» – и сделаете шаг в абсолютно верном направлении.

8. На пепелище

Где безответная любовь душу сожгла – там пепелище,
и ветер свищет над обугленной землей,
и волки исступленно рыщут,
но не найдут добычи там,
где донага степь вылизал огонь,
лишь одинокий почерневший храм
уныло возвышается над голою равниной.

Опустошение

и скорбный безнадежный вид
погибшей выжженной степи...

И только колокол над храмом,
медленно качаясь, низким тембром
заупокойный реквием гудит
и успокаивает боль, а там внутри
перед иконой Богородицы
незыблемо свеча горит, в лампадке
теплится надежда, и утверждающий
глас ангела-хранителя беду замаливает, говорит:
«Среди безмерных мук, стенаний и обид
не оставайся, не ищи в печали
обломков старой радости,
погибшее есть тлен,
не поклоняйся праху, счастлив будь

освобождением, как предки завещали,
и жизнь проснется
обязательно,
целительным дождем
омоет душу вечность, а затем
ее всеведущая воскреснет сила,
и молодая поросль пробьется сквозь золу
в весенний пар, и тенью загуляют облака
над пестрой обновленной степью,
ты воспаришь как Феникс – ясный крик,
а солнце станет ласковым – забудется пожар.
Знай, пепелище – это возрождения предтеча».

9. Люди-перекрестки

С Вадимом я познакомился в гостях у нашей общей приятельницы с жизнеутверждающим именем Виолетта, художницы по призванию, дизайнеру по способу добывания денежных средств. В описании их взаимоотношений Вадим однажды использовал метафору: человек-перекресток. Через знакомство с такой личностью знакомятся и другие люди. Другими словами, это то самое рукопожатие, через которое возникают многочисленные связи с окружающим миром.

Наверное, в этом наблюдении есть толика истины, Вадим вообще славится своим острым глазом и способностью примечать неприметное. К этому следует добавить, что каждый человек, пожалуй, является таким перекрестком в той или иной степени. И не только перекрестком, случайным местом пересечения двух дорог, но и своеобразным учителем, активным участником дорожного движения. Даже тот, кто причинил тебе боль, может в итоге сыграть позитивную роль в твоей судьбе. Все, что ни делается, – к лучшему, если условный Кандид (то есть я, то есть мы все), если «я, ты, он, она» делаем правильные выводы и идем в заданном направлении. Лично мне греет душу тот факт, что через знакомство со мной нашел свою вторую половину мой замечательный друг Виктор, и теперь, кажется, они живут душа в душу. Или мысль эта является острой формой апофении?

На нашем с Вадимом перекрестке мы довольно быстро увидели друг в друге родственные души. Или правильное сказать – сошлись характерами? Или, если по-юнговски, сработала синхрония? Кто знает, откуда возникает искра симпатии. Отчего, к примеру, многие женщины любят только мерзавцев? Повторяю эти слова Довлатова без его чрезмерной категоричности и под знаком вопроса, так как считаю его утверждение не голословным, но лишь отчасти верным.

Мои наблюдения выявляют тот же самый парадокс, в котором видится параллель – закон физики о плюсе и минусе, проявляющийся в разных агрегатных состояниях человеческой психики. Категоричность Сергея Донатовича, несомненно, была вызвана необходимостью гротесковой перспективы.

Без преувеличения то же самое высказывание уже не тянет на сатиру в должном масштабе. Добавить к сатирическому замечанию следует тот факт, что, обжигаясь один-два-три раза, многие люди все-таки приобретают некоторый навык разбирать себе подобных на добропорядочных особей и сволочей. Тот, кто не учится, повторяет ошибки, страдает, снова имеет возможность разобраться, снова обжигается – и так по кругу, пока не затвердеет глина в руках гончара провидения и не истощатся душевные силы испытуемого.

Как и Довлатов, я всегда считал себя человеком хорошим, со всеми вытекающими. Одно из лучших проявлений этих вытекающих последствий – везение на хороших, позитивных

людей. Или это доказывает знак минуса перед моим численным значением? В любом случае нашу дружбу с Вадимом считаю подарком судьбы. И то, что дружба прошла проверку расстояниями и временем, доказывает ее настоящую суть.

Со времени нашего знакомства мы неоднократно виделись сначала в Петербурге, а после его переезда – в Москве, встречались в Крыму и в Праге, в Лондоне и Берлине. Всякий раз наши встречи отличались особой душевностью – тот редкий случай, когда и помолчать вдвоем нескучно, хотя молчать, как правило, не приходилось. Наши интересы во многом совпадают: музыка, индийская философия, история русского языка и русского народа.

Кроме того, как настоящий представитель династии военных, Вадим интересуется мировой историей, оружием, армейскими тонкостями, историей междоусобиц и милитаристских разборок с самых древних времен и до нашего времени. Порой кажется, что из него вышел бы отличный ученый в духе Льва Гумилева, не решился он заняться более прибыльным делом – маркетингом.

Вадим невысок, крепко сложен, в то же время неширок, голубоглаз, улыбчив, с легкой горбинкой на носу из-за перелома в детстве, легко сходится с людьми, так как искренне интересуется миром. К тому же он чрезвычайно словоохотлив.

10. Прага

За Пражским градом следят зорко,
выпячивая морды из стены, гаргульи —
оскалились, отпугивают страсти да напасти,
прищурившись, смотрят на улыи,
что у подножья косогора
натыканы рядами. Ну а люди-пчелы
среди старинных груд из камня
снуют, как муравьи бегут по тропам,
торопятся скорей захлопнуть ставни.
И ночь опустится над Влтавой,
прирученные лампы загорятся в окнах,
по черепице разбегутся блики,
как светлячки, что ищут солнце —
огни домов кричащих улиц
и важных фонарей,
пронзающих ночное покрывало
лучами незабудок, и они ликуют,
подставив темноте бездонные глазницы.
На Карловом мосту притихли звуки,
и статных воинов размыты очертания,
готических разрезов, башен

и чудных амфитеатров не видно более,
притихла жизнь, и только черный камень
покоится в туманных испарениях воды
непокоренной,
что через столетия течет и точит скалы
у Карлова моста, опоры Кафки-града —
изгиб неукротимой Влтавы.

11. Берлинская зима

Один из приездов Вадима врезался мне в память особенно отчетливо. Берлинская зима чем-то напоминает петербургскую. Снежный покров почти не держится. Выпавший снег либо самоуничтожается, как примерный бургер, привыкший к порядку, либо приходит в полную негодность под воздействием усиленно разбрасываемых соли и гравия. В итоге остается мерзкая слякоть и неприятное ощущение, которое довольно точно отобразил один престарелый немец: «ферфлюхте швайнерай» – в дословном переводе «проклятое свинство». Вот такой лозунг на визитной карточке столицы Германии и встретил моих друзей в ту зиму.

Температура пляшет вокруг нуля. Сильный ветер, высокая влажность, серое небо – что еще необходимо человеку для ощущения пронизывающей тоски и непокидающего чувства холода? Думается, что Вадим и его жена Оля чувствовали себя как дома и, возможно, неоднократно пожалели, что не поехали в южном направлении. С другой стороны, если задаться целью и обложить себя теплым насыщенным общением, и в таких нетепличных условиях можно прилично развеяться. Чем они, собственно, и занимались.

После осмотра туристических достопримечательностей для галочки перешли к внедрению в берлинскую субкультуру – посещению клубов, пивнушек, стихийных концертов

и выставок. Себя показали, других посмотрели – многочисленные впечатления от андеграундной жизни немецкой столицы обильно сдобрились задушевым разговором, пивом и нехитрыми закусками.

Вспомнив о перекрестке нашего знакомства, позвонили Виолетте, которая тут же принялась увлеченно рассказывать о своем последнем посещении Берлина. Среди прочего она настоятельно порекомендовала побывать в лабиринте андеграундной забегаловки под названием «У дикой Ренаты», которая, как всякое «эксклюзивное» заведение, открывается только по четвергам вечером, и то лишь на несколько часов.

Мы переглянулись. Вадим дежурным жестом посмотрел на часы. Сегодня как раз четверг. Ну что ж, если до сих пор вечер шептал: «Налей и выпей!» – теперь он настойчиво подталкивал нас в спины и приговаривал: «Это знак! Не упускайте шанса познать неизведанное». И, конечно, мы не заставили себя уговаривать.

О клубе «У дикой Ренаты» я, безусловно, много раз слышал. Этот клуб наряду с другим культовым заведением – «Бергхайн» – известен всем поклонникам электронной музыки, многодневных тусовок, однополый любви, бесконечных вечеринок и попросту любителям ярко прожечь молодость под грохочущие танцевальные ритмы. Абсолютной новостью оказалось то, что «У дикой Ренаты» имелся и некий потайной лабиринт в соседствующем с клубом баре.

Вообще, берлинское понятие бара или кафе на изломе ве-

ков – тема, требующая отдельной диссертации, если задаться целью подробно изучить это явление культуры. Любое мало-мальски подходящее помещение может быть переоборудовано в нехитрую пивнушку, причем выглядеть она чаще всего будет как стихийное нагромождение первых попавшихся под руку вещей, завалившихся на чердаке у бабушки. Такой новоиспеченный бар обычно располагается в переоборудованной комнате с широким окном и дверью на первом этаже старого дома, построенного в начале двадцатого столетия. Мебель и прочие предметы интерьера привозят прямо с барахолки или блошиного рынка, добывают из подвала ремонтируемого дома или берут из квартиры умерших родственников. При всей невзрачности в такой обстановке есть и свой шарм, некая одомашненность пространства, неофициальная атмосфера, заявка на художественную мысль, особенно если таковая изначально присутствует в голове владельцев.

Именно в таком виде и предстал перед нами бар-забегаловка с непривычным для германоязычной среды именем «Рената». Аляповатая, сколоченная из досок барная стойка с отшлифованной столешницей, выдавшие лучшие времена кресла и столики родом из ГДР, такого же происхождения шторы на окнах и лампы с потертыми абажурами красного цвета по углам. В довершение уютной атмосферы жилой комнаты 80-х годов рядом с барной стойкой красовался сваренный из листового железа камин, напоминающий боль-

шую печку-буржуйку. За открытой ажурной решеткой камина призывно мелькал огонь. Судя по обломкам дров, топили мелко напиленным горбылем. Если в тусклом свете промозглых зимних вечеров существовал рай, то мы в него определенно попали.

После долгих прогулок по неприветливым, ветреным, холодным улицам Берлина теперь можно было посидеть перед импровизированным камином в обстановке советского реализма незадолго до его трагического крушения, то есть вдобавок к уютному времяпровождению у огня получить еще и погружение в историю города или даже целой эпохи. Из контекста экскурсии во времена ГДР вырывал только лихой вид «бармена» и его приятельницы, которые являли собой типичных представителей альтернативного движения левых панков и сквоттеров, густо заселивших центральные районы Восточного Берлина после падения Стены.

Бармен – крепкий парень с пирсингом на лице и нечесаной копной волос на верхушке коротко стриженной головы. Густую поросль на его скальпе при должном усилии наверняка можно было сформировать в ирокез. Смятая кепка, заложенная в бутафорскую имитацию погона на джинсовой куртке-безрукавке поверх рваной толстовки, на шее видна часть цветной татуировки, двухдневная щетина и задоринка в глазах – отличительные черты берлинского неформала-полупанка. Называю его полупанком потому, что при всех соответствующих атрибутах и левых политических убежде-

ниях все-таки отрицание и противопоставление себя социуму у такого человека отсутствует. За чрезвычайно редким исключением, это милейшие ребята со своим псевдокоммунистическим заскоком. Опять же приставка «псевдо-» здесь необходима лишь по причине отсутствия у этих левых «автономов» отчетливого представления о коммунизме как идее. В голове их, как правило, только несколько лозунгов вроде «Алес фюр але, бис алес але ист», которые и составляют основу их существования. В переводе это звучит примерно так: всё для всех, пока всё не всёкнется, то есть не закончится. Получается обрубленный постулат марксизма-ленинизма, одним словом. Каждому по потребностям... Без всяких встречных требований. Впрочем, кто в наше время живет без тараканов в голове? Пусть первый бросит в них камень и, без сомненья, получит хороший люмпеновский булыжник в ответ.

Для посещения лабиринта необходимо было обменять с десяток евро на специальные жетоны в виде старинной монеты. Коммунизм коммунизмом, а капиталистический настрой с денежными знаками никто не отменял. В ожидании приглашения в лабиринт мы скоротали время у открытой печки-камина за прохладительными напитками и теплой беседой, так что и идти уже никуда не хотелось.

12. Гадание по руке

Протяни мне свою ладошку,
посмотри на игру линий,
долгой дорогой или немножко
плыть на поверхности многоликой
осталось средь холмиков и бугорочков,
трещин, рытвин, развилок, точек,
берегов рек, ручейков и прочих
неровностей в виде строчек?
На руках разливаются реки,
где-то русла их вместе сольются.
Две реки – ни одной прорехи,
обнимаются впадины, горы сойдутся.
Есть ли смысл в оврагах, расщелинах,
если линии в числа слагаются
и судьба (бороздами испещрена),
как на карте дорог, отражается?
Здесь ли мук и страстей вплетения?
Каждый шаг, как резцом, прописанный,
свод имен отпечатан вкраплением
в сеть сосудов подкожных тропинок страны,
чьи структуры в ткань встроены, и сюжет

в свод законов впечатан какой-то рукой,
поминутно сверяет, как сыграна роль
в каждой части трагедии «Сто лет в обед»,
повторяющейся много раз исподволь.

Что ж ходы нашей жизни, как в книге, расписаны,
картой жилок, морщинок и родинок в нас прорисованы?

Где механик, настроивший тот часовой механизм?

Ум трепещет желанием тайну раскрыть,
чтоб решение найти, варианты под/та/совывает:
это хаос,

природы кузница,
инстинкты, эволюция —
демагогией смыслы полнятся,
только линии сами рисуются,
складки в пальцы на пяльцах руки
без иголки вшиваются,
нитью тянутся, не беспокоятся.

Вам не надо искать – жизнь уже отпечатана,
линии на руке в слова сложатся,
ваша память произошла от отчаянной
попытки не ску/чн/кожиться.

* * *

Вариация на заданную тему

Не отношусь ни к одному из двух столетий,
принадлежу ни к одному из двух полов,
лишь музыке обязан, а иначе не ходил бы по планете,
и рифмам благодарен – верности доверчивых стихов.

Пою навзрыд, пишу в рассрочку еле-еле,
живу, чем бог подаст, и за пороки поднимаю тост —
жизнь в полусне. Что мир есть в самом деле?
Рождение, игра в страдание, люболь и смех, погост.

13. Тайны подземелья

Надо сказать, что за увлекательной беседой мы совершенно забыли причину нашего посещения «Дикой Ренаты» и потому взглянули на подошедшего к нам человека с некоторым недоумением. Небольшого роста коренастый «проводник» чем-то напоминал Паспарту из французской телеигры «Форт Боярд», хоть и был повыше ростом. Слегка сгорбленный, чисто выбритая голова, крупные черты лица и выразительный взгляд, – его внешность притягивала внимание в еще большей степени, чем старомодное облачение с намеком на Средневековье.

Правила посещения лабиринта были следующие: проходить его следует поодиночке, с пустыми карманами, незамутненной головой и чистым сердцем. Именно так он и выразился. После того как один из любопытствующих выходил обратно, в лабиринт мог идти следующий. Наш проводник попросил оставить кошелек, ключи и телефон на столике у друзей, а перед входом в лабиринт, проникновенно глядя в глаза и пожимая обе руки, еще раз наставлял: не пугаться, не задумываться и идти с чистым сердцем к выходу.

Дверь в лабиринт представляла собой безыскусно сколоченный из горбыля прямоугольник. Через щели в неровно приколоченных досках легко угадывался вход в подвальное помещение. Для того чтобы дверь открылась, надлежа-

ло опустить диковинную монету в специальную щель в стене, куда, видимо, было встроено специальное отмыкающее устройство. Сказано – сделано. С легкой душой и слегка затуманенным мозгом (что, кстати, помогало в борьбе с боязливостью и излишней задумчивостью) испытуемый спускался в неизвестность.

Всякое путешествие с пустыми руками неизбежно заставляет задуматься над своей ничтожностью. Так, например, потеряв портмоне с документами и банковскими картами, понимаешь, насколько каждый из нас зависим от этих кусочков бумаги и пластика. Неизвестность пугает в не меньшей степени, чем привлекает; чувство дискомфорта в такой ситуации обеспечено на сто процентов, так что расчет устроителей этой хитросплетенной забавы оправдался полностью.

На чувство дискомфорта накладывается ощущение легкой тревоги, поскольку обшарпанные ходы лабиринта освещены тусклым мерцающим светом, а отдельные комнаты наполнены арт-объектами в стиле сюрреализма вроде кукол в стеклянных емкостях, символизирующих уродцев из Кунсткамеры.

Впрочем, первые двадцать минут любопытство и интерес к новому, неизведанному пространству уверенно побеждает любые сомнения и тревожные отголоски неугомонных мыслей. Однако вскоре внутреннее беспокойство начинает нарастать, и уже невольно ловишь себя на мысли, подгоняющей тебя к выходу из замкнутой, одинокой атмосферы холодного

подвала. Так что испытуемый уже усилием воли заставляет себя не торопиться, чтобы не пропустить главное.

Главной изюминкой аттракциона я видел посещение «черной комнаты», о которой вскользь упомянула Виолетта, когда вкратце описывала свои впечатления от «Дикой Ренаты». Никакой черной комнаты я, однако, в сюрреализме окружающего меня лабиринта не обнаружил. Разбитые телевизоры, размалеванные абстракционистские полотна, нелепо сваренные скульптуры-металлоконструкции, лестница для перехода из одного помещения в другое, похожая на декорацию к фантастическому фильму про космос – в общем и целом забавные инсталляции, достойные музея современного искусства. И ничего, напоминающего замкнутое пространство «черной комнаты».

Подойдя наконец к выходу – точно такой же небрежно сколоченной двери, как и на входе, – остановился в замешательстве. А как же тайна Синей бороды? Когда и где я пропустил эту заманчивую тайну? На каком повороте? Устройство потайного лабиринта оказалось вполне предсказуемым: запутаться в коридорах и комнатах, по большому счету, было невозможно. Значит, что-то я недосмотрел, где-то проявил невнимательность. Решив во что бы то ни стало найти черную комнату, я развернулся и принялся обыскивать лабиринт в обратном порядке. Через некоторое время замкнутое пространство подвала начало действовать на меня гнетуще, и, плюнув на свой изначальный план, я выбрался обрат-

но в бар, так и не обнаружив искомого.

Следующей ушла в полумрак неизвестности подполья Оля, но, к нашему удивлению, очень скоро вернулась к столику. Пожала плечами – ничего особенного: сюр он и есть сюр, можно было и не тратиться на баловство.

Вадим заходил в катакомбы в приподнятом настроении. Видимо, он рассчитывал задержаться на «экскурсии» не дольше своей жены, а в итоге пробыл там дольше всех. Надо ли говорить, что его долгое отсутствие меня и в первую очередь Олю не на шутку обеспокоило. «Не случилось ли чего» – недоуменно переглядывались мы с ней, задавая друг другу немой вопрос. «Нет же, – успокаивал я ее, хотя сам был не вполне уверен в своих словах, – наверняка засмотрелся на какой-нибудь арт-объект. К тому же у них здесь везде камеры. Видела, как наш Паспарту ловко возникает каждый раз, как только кто-то выходит из лабиринта?»

Через сорок минут после исчезновения Вадима мы все же решили порасспросить аборигенов о тайнах подземелья и подозвали бармена к столику. Тот заверил, что опасения наши беспочвенны. «Не обман ли это, не ловушка ли для доверчивых туристов, – переглянулись мы с Олей, – не пора ли устроить переполох?» Однако бить тревогу не пришлось. Вадим все-таки объявился – бледный, взъерошенный, с кривой улыбкой на лице. Он с облегчением плюхнулся в свое кресло и жадно выпил полбутылки пива.

– Друзья мои, вы не представляете, что я сейчас испытал.

Это было самое настоящее испытание!

– Что случилось? Неужели...

– ...в самом деле все качели погорели? – с какой-то горечью ухмыльнулся он. – Дайте передохнуть. Короче, шел я по лабиринту, рассматривал себе объекты, веселился, пока не попал в черную комнату. Где-то в самом конце, знаете, когда уже хочется поскорее выбраться наружу, попадаешь в абсолютное темное помещение. То есть вообще нет ни малейшего намека на свет. И просто на автомате начинаешь паниковать, потому что дальше можно двигаться только на ощупь. Обратного хода нет, дверь не открывается. Вытягиваешь руки, медленно идешь вперед и... упираешься в стену. Думаешь: что за черт?! Караул, замуровали!!! Пытаешься успокоить дыхание, собрать мысли. Выдыхаю, начинаю двигаться вдоль стены в поисках проема. И вдруг чувствую под рукой на стене чье-то лицо...

– ...И тут я обоссрался, – нашел уместным пошутить я, чтобы отогнать налипающую на воображение жуть. Оля сидела с каменным лицом и в ужасе смотрела на мужа. Вадим криво улыбнулся и сделал еще один большой глоток пива:

– Да вроде бы я даже не испугался. Не знаю, состояние было такое крайне напряженное. Мозг лихорадочно работает, ищет решения. Говорю сам себе вслух: «Так, зашибись, приехали!» Короче, жутко было и тоскливо. Блин, хрен знает сколько я там пробыл. По ощущению – вечность. Уже и паниковать не хочется, думаешь, скорей бы это закончилось.

И когда мозг сдался, как сквозь туман слышу внутренний голос: «Нагнись». И точно! Нашел проем в нижней части стены и вырвался на свет. Офигеть, вы не представляете, какое чувство облегчения я испытал. Это просто невыразимо. Я сейчас себя чувствую абсолютно счастливым.

Мы не могли удержаться от смеха, глядя на искреннее лицо Вадима, на котором отражалось неподдельное чувство облегчения после долгой изнурительной дороги. Сюрреализм его описаний вызвал во мне воспоминания о мучительных блужданиях главного героя в рассказе Грина «Крысолов». Я признался, что и сам искал черную комнату, поскольку о ней вскользь упомянула Виолетта, но так и не нашел. Удивительно, что и Оля не попала в нее, а очень быстро преодолела закоулки подземелья без видимых затруднений. Вот уж действительно поразительная разница в восприятии окружающего чужеродного мира. В этом виделась какая-то закономерность...

Спустя несколько дней Вадим поделился со мной своими соображениями, в которых я нашел много созвучного некой призрачной истине, незаметно вшитой в подкладку одежды под названием жизнь. Каждый из нас, посещая лабиринт, как бы изучал свое собственное сознание. Оля абсолютно точно знает, чего хочет, поэтому преодолела препятствия быстрее всех, без стресса и трудностей. Ее сознание в тот момент было абсолютно прояснено. Я искал «черную кошку в черной комнате» и не нашел. То есть в моем

сознании заложена потребность в поиске приключений, хотя таковой необходимости не существует. Вадиму, наоборот, предстояло преодолеть темноту невыясненного и найти выход из мнимого тупика.

Мы хотели развлечься, а получили самое настоящее путешествие вглубь своего бессознательного, которое мы принимаем как данность и совершенно не задумываемся о подводных течениях этого потайного лабиринта. Как показали дальнейшие события, интерпретация Вадима не была лишена основания.

14. Дуэт Единого (Плач по утраченному единству)

Мы злимся и плачем
по утраченному единству, а как иначе?
Выброшены из наслаждений райского сада
на землю в сомнениях, оно нам надо?
Сами построили стены, дома, придумали историю,
бога... А теперь устроит ли?
Всем нам приходится туго,
в общем, неплохо, тело сыто...
Но внутри – разруха.

Воем, смеемся, мычим и кричим от досады,
хочется выстроить жизнь по законам райского сада.
Так, чтоб светло и тепло, в достатке всего,
на плечах возлежала порфира,
но кружевами зло вплетено в полотно мира.

Хочется выжечь узор, вырвать кусок порочной ткани,
вырвали с мясом, и этот клочок реет как флаг и манит.
Мы заглушаем боль, веками пьем, шутим, скрипя зубами,
но наливаются кровью глаза, и снова возносится знамя.

Через войну любим жить, в мирное время готовы сдох-
нуть,

и, ненавидя, любить – яд пить, только чтоб не засохнуть.

К чертям добро! Какие там райские кущи?

Как попадет бес в ребро, так мы друг друга научим,
как и во что надо верить, куда плюнуть, на кого положить,
когда броситься в омут коварной пьяни.

Если закрыта дверь в рай, мы взломаем код,
отыщем ключ, подберем бит,

сами возьмем то, что нам причитается,
разум без рая вянет.

Хочешь воссоединиться, стать целым
и влиться ручьем в реку,

хочется форы просить у Бога,

но прежде всего доказать сочеловеку.

Мы плачем, смеемся и тщимся вернуть былое единство,
но свет утрачен, обменян на утвари ларь и словарь,
и культурное свинство.

* * *

Вариация на тему «блюз»

Слово «люблю» не плюй в лицо.

Я – чистоплюй: не верю, что
возможно вычихать обман.

Я – обормот², ты – хулиган-
ка-р-т Тавро, желтая звезда
в майянском гороскопе. Ты —
мычащий звук из пустоты
и жгучий отклик: «навсегда
в сердце твоём, в душе моей».

Хочешь убей иль пожалей
и прикоснись к губам рукой
чужой рекой, теплой водой,
напиться дай иль затяни
на горле узел. Извини —
опять слова, слова, слова
и рифмы блеклая игра.

Ночь на дворе и нам пора
прощаться, плыть. Мы уплыва...

² au bord' mots (фр.) – на краю слов

15. Отправление в неизвестность

Вообще, сравнение жизни с одеждой мне положительно нравится. Пусть это будет костюм-двойка или вечернее платье, халат или шуба – каждый выберет сам для себя. Важным кажется лишь понимание того, что и жизнь может иметь схожие качества, как и выбранные нами предметы одежды: тут давить, там натирать, здесь приятно облегать тело, а в другом месте невыгодно топорщиться. С одеждой можно обходиться предельно аккуратно и следить за модными веяниями или предпочитать лохмотья и потрепанные обноски из секонд-хенда. Кто-то не обращает внимания на дыры в карманах и свой внешний вид, другой же тщательно штопает прорехи и осмотрительно нашивает заплатки на те места, где ткань быстро изнашивается.

Для многих одежда имеет исключительно функциональное свойство и в первую очередь соответствует своему прямому назначению. Другая часть человечества небезосновательно считает, что в одежде сокрыт код сопричастности, который приносит владельцу некий статус или внедряет его в желаемую социальную группу. Один человек предпочитает одеваться по своему вкусу, множество других пытаются копировать свое окружение, идут на поводу у «моды», «тенденций» и прочих навязанных извне установок. Небольшая группа любителей кроют материю, пытаясь создать что-то

новое, обращаясь к дизайнерам, доверяясь модельерам, основная масса, однако, предпочитает двигаться в заданном русле массового производства, отдавая пальму первенства ширпотребу текстильной промышленности.

Эту метафору можно развивать до бесконечности. Наблюдая за своими пристрастиями в одежде, невольно прорисовываешь карту своего мировоззрения и даже приближаешься к осознанию вопроса «Что есть я?».

Размышляя таким образом, осмотрел себя еще раз. Одежда моя сообразна своему назначению. «Иду в поход, два ангела вперед...» Потертые штаны путешественника цвета хаки с большим количеством карманов и застёжек, туристические башмаки неизвестной породы, просторная футболка и черная куртка с капюшоном, в которой объединились ветровка и легкий утеплитель. Восьмидесятилитровый рюкзак, содержащий спальный мешок, палатку, посуду, нехитрую снедь и самое необходимое в походе. На голове – незамысловатая шевелюра без намека на стрижку и причёску. На лице – многодневная небритость, переходящая в бороду. Для первой части маршрута и сплава вполне подходит.

Владлен назначил встречу в районе Аренсфельде, на окраине бывшего Восточного Берлина, так, чтобы, не теряя времени на пробки и светофоры, обогнуть город по кольцевой дороге, коротко заехать в прилежащий к КАДу микрорайон и забрать попутчиков.

В назначенное время я прибыл к месту. Помимо меня на оговоренной парковке перед панельным домом автобуса дожидалась вторая попутчица. Ей оказалась грузная женщина лет шестидесяти, с тремя огромными китайскими баулами, набитыми под завязку тряпьем. Зинаида несколько месяцев гостила у своей подруги, ходила по барахолкам, секонд-хендам и благотворительным организациям, подбирая одежду, которую затем намеревалась продать в Уфе. На мой шуточный вопрос, собирается ли она ехать на попутках до самой Уфы, Зинаида неуверенно пожала плечами и поведала о своих планах пересечь в Москве на поезд.

Я искренне удивился решимости этой низкорослой, оплывшей от возраста, хоть и крепко сколоченной женщины в одиночку управиться с тремя тяжеленными баулами. Оказалось, что Зинаида рассчитывала на помощь добрых людей, которые должны появиться, как сказочные трое из ларца, всякий раз, когда ей понадобится помощь. Это было олицетворение русской простоты, перемешанное с советской жадностью и народным «Авось Небосевичем Подипрокатитным». Неоднократно убеждался в том, что во многих случаях такой подход к решению жизненных вопросов срabатывает. Срabатывает, конечно, в тех странах, где индивидуальность еще не взяла верх над общностью.

С небольшим опозданием на оговоренную парковку влетел потрепанный микроавтобус Владлена. Тут же выскочил и сам хозяин полуразбитого, обшарпанного, местами из-

рядно поржавевшего «Мерседеса». Длинные русые волосы с проседью были собраны в косичку, живое лицо, подвижная мимика, серо-голубые глаза Владлена обещали приятную компанию и приключения в виде непредвиденных обстоятельств. Внешний вид, жестикуляция, торопливость и сбивчивость его речи говорили о неорганизованности мыслей водителя, и предположение это подтвердилось с первых же его слов.

Как только мы поздоровались и представились друг другу, последовала шутливая ремарка:

– Вы не расстраивайтесь, но, возможно, мы не доедем. Мы выехали сегодня рано утром. Все было в порядке, пока не пересекли границу с Францией, и тут загорается лампочка – мотор начинает выдавливать тосол. Что делать? Первым делом заезжаю на заправку, покупаю жидкость, подливаю. Через сто километров опять то же самое. Ёшкин-макарёшкин. Пришлось соорудить такое вот нехитрое приспособление...

Владлен открыл капот и продемонстрировал полулитровую пластиковую бутылку, привязанную к радиатору и собирающую выдавливаемую жидкость через трубочку.

– Вроде бы в этот прогон не так много набежало. Это обнадеживает, – весело прокомментировал он и подмигнул мне. – Если что, выйдем на трассу, будем голосовать. – И тут же, глядя на смущенное лицо Зинаиды, добавил: – Не волнуйтесь. Думаю, дотелепаем потихоньку, я сильно гнать не буду. А это что у вас? Личные вещи? Четыре сумки?

Смелый подход к жизни! Сейчас попробуем распахать. Вы куда едете? В Уфу? Отлично. Путь неблизкий, а нам по пути. Кстати, знакомьтесь – это Марина и ее дети...

– ...и они едут во Владивосток, – не преминул пошутить я, подхватив бесшабашную нотку его веселья.

– Что ж, ты не далек от истины, – засмеялся Владлен, и в его голубых глазах выступили слезы. – Она едет в Хабаровск! Причем это не шутка, – добавил он, глядя на мою недоверчиво улыбающуюся физиономию.

– Вы действительно едете в Хабаровск на перекладных? – поинтересовался я, еле сдерживая смех, живо представляя себя такое адское путешествие длиной в каких-нибудь две недели.

– Можно и так сказать, – призналась Марина, скромно улыбаясь. – В Москве садимся на самолет и летим на малую родину.

– А, ну хотя бы так. Я уже грешным делом подумал, что действительно... Надо же, все едут в родные края. Как мы тут все спелись, – подытожил я и съмитировал голос Льва Лещенко: «А от вокзалов поезда уходят в дальние края...» Только что сейчас июль, а не январь, и это в контексте нашего путешествия радует.

– В контексте нашего путешествия, говоришь? Литературненько задвинул. Надо запомнить, – весело подмигнул мне Владлен, с трудом закидывая баулы уфимской попутчицы в свой микроавтобус.

Итак, компания путешественников подобралась разношерстная и тем самым замечательная. Моложавый неунывающий Владлен, лет сорока с гаком, на разбитом микроавтобусе (даром что «Мерседес») из французского Лиона направлялся в русский Торжок. Заметно уставшая и растрепанная Марина, по годам догоняющая Владлена, с двумя детьми, 11 и 13 лет, путешествовала из Парижа в Хабаровск. Непроницаемая и солидная Зинаида пенсионного возраста с тремя пудовыми баулами и еще одной сумкой возвращалась в Уфу. Довершал комедийную ситуацию смешливый и незадачливый балагур возраста Христа, который совершал очередную «кругосветку» из ниоткуда в никуда, ожидая непонятно чего неизвестно откуда, как сказочный персонаж, который идет туда, сам не знает куда, или как мифический Агасфер в ожидании второго пришествия.

Вселенной было угодно, чтобы мы собрались в одном месте, и в этой задумке мелькала одна из ее нераспознанных тайн.

16. Сомнения

Луна светится сквозь пелену облаков,
расплылось молоко по небу.
Я бегу по земле и не чувю оков.
Осень? Лето? Весна ли? Небыль...

Словно белый фонарь, свет пронзает мглу
разноцветностью – радужным кругом.
Я пою о судьбе и реальность пашу
ручкой, как легковесным плугом.

Полю белой поверхности края нет,
стерпит все и впитает бумага.
Это шутка вербальности, псевдоответ,
в каждом звуке есть место для знаков.

Потому я упрямо давлю на газ,
разгоняю немую машину,
избегаю фраз: зуб за зуб, глаз за глаз,
за другое ценю мужчину.

Обещание должен сдержат твой дух,
выжечь напрочь осколки картечи,
в делах лучше молчат – слов не больше двух,
в теле зла нет, в душе – увечий.

И потом, нужно верить только в себя,
в свет безумных и ярких фантазий,
в каждом – к Богу крупички причастия.
Сердце тело держит на связи.

Ярко светит луна через сны-облака,
расплылась в небе манная каша.
Свет пронзителен. Тянет вверх рука
дух в объятия небесного стража.

17. Дороги

В первые же часы наших дорожных разговоров прояснилось следующее: как и все попутчики (иначе зачем бы мы связались в эту авантюру), Владлен испытывал «денежное напряжение», то есть вынужден был считать каждую копейку или евроцент. Потому он затеял свою поездку к родным пенатам именно в таком формате: своя машина, которую в случае поломки не особо жалко бросить, тем более что куплена она была за небольшие деньги у арабских перекупщиков, плюс минимальные затраты на топливо, так как топливо оплачивают великодушные попутчики, а если затея выгорит, в сухом остатке получится еще и небольшая выгода. Что касается вопросов: как поделить расстояние на разумные отрезки, где ночевать, когда пересекать границу, где делать остановки, каким маршрутом ехать, – все они были свалены в ведро под названием «авось пронесет, где наша не пропадала», и как в таких случаях неизбежно происходит – незадачливым актерам следует импровизировать по ходу пьесы.

Польско-белорусскую границу имело смысл пересекать этой же ночью, а еще лучше под утро. Для того чтобы совершить этот подвиг, следовало без долгих остановок ехать

через всю Польшу к Бресту. Такой вариант Марина категорически отвергла и потребовала хотя бы краткую ночевку вне машины в горизонтальном положении. После почти полных суток непрерывной тряски в автомобиле, более полутора тысяч километров европейских дорог, минимум остановок для того, чтобы перевести дух, подкрепиться и справить естественные нужды, даже непродолжительный сон в кровати был абсолютно необходим. Предложение ее казалось разумным и потому, что двадцать четыре часа за рулем вряд ли прошли бы для Владлена бесследно, и накопившаяся усталость могла сыграть этой ночью отвратительную шутку.

Зинаида попробовала было возразить, что ночевку в свой бюджет она не запланировала, однако сопротивление ее было недостаточным для того, чтобы сломить боевой настрой французских «соотечественников». Помимо боевого настроя, однако, отсутствовал план поиска в формате телеигры «Что? Где? Когда?», зато присутствовала твердая уверенность в том, что желаемое как-нибудь да сложится.

Уже затемно остановились на заправке, перекусили на скорую руку в близлежащей столовой, порасспросили аборигенов о мотелях и гостевых домах в округе, получили приблизительное описание маршрута, построенного на языке жестов и обломках английского.

На этом этапе также выяснилось, что у Владлена отсутствуют банковские карты и он легкомысленно предполагал разменять наличные деньги в вездесущих обменниках, кото-

рые странным образом попадались довольно редко и предлагали не особо выгодный для экономящего человека курс. Что ж, скупой платит дважды, или... за него платит кто-то другой. Так и вышло в нашей поездке. Поскольку поиск обменников затянул бы нас в и без того бесконечные дебри «найди то, сам не знаю чего», остановились на том, что будем пользоваться моей банковской картой, а затем совершать обмен между собой. Пока же предстоял поиск места для ночлега.

Блуждали в потемках, всматриваясь в кромешную ночь. После долгих вилианий по указанному нам на ломаном английском «маршруту» набрали наконец на какой-то мотель под кодовым названием «Под пихтой» или что-то вроде того. Цена оказалась приемлемой. Марина договорилась о размещении для себя и своих детей. Я, как человек по-походному настроенный, собирался поставить палатку и окунуться в лоно природы. Владлен и Зинаида решили ночевать в микроавтобусе, притом что первый имел с собой хотя бы спальный мешок, вторая же не имела при себе даже куртки на холодное время суток. Впрочем, судя по тому, как Зинаида капитально устроилась на задних сиденьях (я бы даже сказал, вросла в них), выходить из автомобиля она не собиралась до самой Москвы. Надо отдать ей должное, на всех остановках до сего момента ни в туалет, ни в столовую она свой пост не покидала, так что мы уже в шутку развивали импровизации на тему, не везет ли тетя Зина золотых слитков в своих

огромных баулах. Ответ, скорей всего, был до тривиальности прост: Зинаида (как, наверное, и каждый из нас) не хотела тратить деньги и настроилась на марш-бросок Берлин – Москва.

На остановке «Под пихтой» тете Зине неожиданно-негаданно повезло: в четырехместном номере, который сняла Марина, еще оставалась одна незанятая кровать, на которой Зинаида после уговоров и некоторого колебания все-таки решилась разместиться, сменив свой вертикальный пост на горизонтальную дислокацию.

Ранним утром она первая постучала в окно машины, разбудила Владлена и водворилась на оккупированном ею сиденье. Надо сказать, что из-за близости к дороге и часто проезжающих по ней машин ни я, ни Владлен толком не выспались. Краткий неполноценный сон на неудобных сиденьях помял водителя еще больше, и он при всей присущей его характеру жизнерадостности все же не мог сдержать зевков. Даже «нелегальный» утренний душ в съемных апартаментах не добавил в его внешний вид свежести. Зинаида, напротив, была в наилучшем расположении духа и вразрез присущей ей молчаливостью словоохотлива. Как только пассажиры расселись по своим местам и «дело сдвинулось таки с мертвой точки», настроение ее улучшилось, так что она вежливо поинтересовалась у водителя:

– Ну что, Женька, хорошо хоть выспался?

Вдоволь посмеявшись, поглядывая в зеркало заднего ви-

да на недоумевающее лицо Зинаиды, Владлен вынужден был признаться:

– Может быть, Женька и хорошо поспал, а я вот как-то не очень. Машины шныряли туда-сюда, какие-то люди постоянно разговаривали. Разве что горизонталь слегка мозги вправила.

Слово не воробей, приклеится – не оторвешь. С этого момента Владлен стал для нас Женькой. Это имя отражало во многом безалаберный, но все же бодрый, жизнеутверждающий характер нашего попутчика в большей степени, чем архаичная увесистость исторической аббревиатуры.

Интересно, существуют ли прецеденты в мировой истории, когда имена вождей и названия событий мутируют в имена: Юргоз (Юрий Гагарин облетел Землю), Валтерперженка (Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт), Кукуцаполь (кукуруза – царица полей), Лапандальда (лагерь папанинцев на льдине)? Наверное, только носитель русского языка советской эпохи был расположен к такого рода игрищам, вплоть до революционного переименования самой сути языка.

Падок народ до всяких псевдоновшеств и сейчас. И если девяносто лет назад это были имена революционеров, то теперь им на смену пришли всякие англоязычные словечки вроде «девайсов» и «гаджетов». Заметил эту особенность и во многих странах, в частности на территории бывшей ГДР. Сюда незамедлительно после объединения с ФРГ вме-

сте с новыми веяниями и чаяниями пришла и новая мода на красивые названия. Новоиспеченные «сограждане» принялись давать детям по-настоящему прогрессивные имена, взятые из американских сериалов, вроде Джессики, Мелани, Джона, Тимоти и иже с ними. В комбинации с немецкими фамилиями и в немецком же окружении эти имена звучат абсолютно нелепо. «Чем бы прогрессивный родитель ни тешился, а дитяти придется плакать», – по-своему интерпретировал я поговорку.

– Женька, а чего тебя Владленом назвали?

– Дед был ярый коммунист. Настоял на своем. Предложил на выбор Марлен или Владлен. Родители не смогли его переубедить, да и сам отец до сих левых идей придерживается. К тому же ему сначала тоже досталось – Мэлисом назвали, то есть Маркс-Энгельс-Ленин-Иосиф-Сталин. Потом, правда, после развенчания культа личности, в Михайлы переименовали. Дед тогда очень сердился, что так заблуждался, но в значении ленинского пути не разуверился. Стальной человек, до сих пор его помню. При всей своей простоте – не человек, а скала. Вот благодаря таким и страну построили, и в войне победили. В общем, я думаю, с именем могло бы и хуже получиться – вроде Ленгенмира и Ленгварда. Да и не в имени дело, мое личное мнение. Знаешь, как говорят: хоть горшком назови, только в печь не ставь.

– Я еще знаю: как ни назови, только корми и пои.

18. Размышление о времени

Заруби себе на носу, запомни навечно,
если я расплету косу, волосы будут литься речкой.
Это не станция конечная, а вплетенная в песню вязь,
самое сокровенное, наш сказ про богобоязнь.
Это ощущение времени – скудоумие и нищета,
разрешение бремени – перерождение из боярей в ЦК,
из Ревка в оцепление Гулага.
Отчего так повелось, почему так есть,
что встает комом в горле кость – наша песнь?
Завершится наш мир теперь уже наверняка
гулом ярких светил, поглощающих небо и облака.
Только вот здесь внизу, на Земле,
окоянной реке,
люди поносят себя и подобных себе чад,
гудит на могучем сверхязыке.
Зудят губы слова – леса строй, словоград,
стену, дом, каземат предложения,
кирпичи красным цветом горят.

Говорят, надо жить, не тужить, чтобы петь,
и, конечно, служить, чтоб терпеть.
Говорят, чтоб убить, надо корму задать,
ну а если любить, тогда и страдать...

Говорят, если дар, буду рад и рукоплескать,
а задаром болтать – не хочу время скрадывать.

Говорят, если силой взять мощь и слова,
то народы смолоть без следа можно чрез жернова.

Говорят, у истории запахов для победителей нет.

Говорят, проигравших не помнят, тиранов жгут, варят
шербет.

Говорят и глаголят, молвят, стонут, вопят —
голова идет кругом, мы оболганы с головы до пят.

Что же делать нам, отчего повелось,
почему так есть?

Комом в горле стоит вопрос, занимается песнь:

заруби себе на носу, запомни навечно,

если я расплету косу, волосы будут литься речкой.

Это не станция конечная, а вплетенная в песню вязь,
самое сокровенное, наш сказ про богобоязнь.

* * *

19. Досужие домыслы

Ночевка в Польше всем пришлась по вкусу. Как ни крути, но даже после непродолжительного сна голова соображает лучше. Кто-то кимарил, кто-то шутил напропалую, кто-то пытался завести светскую беседу. В скором времени выяснился и такой забавный нюанс: видимо, пользуясь поговоркой «Что не съем, то понадкусываю», Марина утащила с собой два одеяла из злополучного номера. Мы посмеивались над забавным казусом, представляя, как хозяин мотеля обнаруживает, что в номере вместо заявленных троих ночевали четверо, которые изрядно попользовались душем, туалетом и до кучи прихватили два одеяла. Возможно, однако, история эта не была для него чем-то из ряда вон выходящим. Мне рассказывали уже подобный анекдот о польских сезонных рабочих в Германии, которые попытались вынести из номера все подчистую, включая мягкую мебель в разобранном виде. С крупногабаритными вещами, собственно, эти незатейливые воришки и погорели. Будем надеяться, что для хозяина мотеля «Под пихтой» наш кратковременный набег не стал большим потрясением.

Утро вечера во многом мудренее, голова чище, память сонливее, а язык разговорчивее. Зинаида довольно быстро

проболталась о том, что ездила в гости к берлинской родственнице и основным их времяпрепровождением было посещение благотворительных заведений для обездоленных, с тем чтобы набрать несколько баулов тряпок, которые предстояло теперь сбыть в Уфе.

Затем последовал продолжительный обмен мнениями о том, в какой части Франции русскому человеку живется лучше. Марина настаивала на том, что жить можно в любом месте, где устроены муж и дети, а Владлен-Женька рассказывал, что ему пришлось сбежать из Парижа, поскольку в этом городе много разного сброда и отсутствует спокойная жизнь.

– Мне и жене очень нравится то, что все такое аккуратное, миниатюрное, прибранное, – делился он переживаниями. – Опять же, нервозности постоянной нет. Все уравновешено, рассчитано, разложено по полочкам. Жизнь размеренна, гляди только под ноги, чтоб не наступить на неприятности. А в Париже, конечно, слишком много хаоса. Ну его на фиг. Мне хватило.

– Да ладно, – не соглашалась Марина, – не такая уж там и хаотичная жизнь. Вполне можно найти укромные местечки. Главное, в нужное место попасть, чтобы не пришлось в арабском гетто где-нибудь ютиться, – по ночам на улице не выйдешь, безнаказанность вопиющая. Опять же, культурная столица. Цены, конечно, адские, и туристов много, но это, понятно, проблема всякого мегаполиса. Но все-таки в провинции тоскливо как-то. У нас в Хабаровске и то пове-

селее, хотя, казалось бы, Дальний Восток.

– Не согласен. Чего веселого? Ладно пока молодой, а потом, когда семьей обзаведешься? Там уже не до увеселительных заведений. Работа – дом – выхи – дети – школа. Романтика, одним словом. А тут как раз все установлено, предпрешено. Язык, конечно, нужно подучить. Это самое главное. А там уже и работу какую-никакую найти можно, тут подкрутиться, там вывернуться. Опять же, государство о тебе заботится в некоторой степени – по крайней мере, есть такое ощущение, подохнуть не дадут, если, конечно, не спиться, не сколоться. Ох, я этого добра в Париже насмотрелся, райончик у нас был то что надо для культурного шока. Мы оттуда быстро свинтили, жена подыскала работенку в Лионе, чемоданы собрали – и поминай как звали. К тому, что тебя за своего не считают, надо, конечно, попривыкнуть. В Париже с этим проще, не спорю. Зато у меня дети теперь французы. Я вот еще стараюсь раз в год к родителям выбраться, а они уже даже и не горят желанием куда-то ехать.

– Ой, если бы не папа, я бы тоже ни ногой, – согласилась Марина, кутаясь в трофейное одеяло. Второе досталось детям, которые мирно посапывали на сдвоенных сиденьях. – Это такое умопомрачительное расстояние, на которое столько физических сил уходит. Во Франции отдыхаешь от всех этих тысяч километров, все под рукой по большому счету. Это же уму непостижимо: от Москвы до Парижа в два с половиной раза ближе, чем до Хабаровска. Еще детей та-

щить. Каждая поездка – это настоящее испытание на выносливость.

– Ничего, где наша не пропадала. Прорвемся, – подбодрил я попутчиков. – Еще две тысячи километров неасфальтированных дорог, пятьдесят КПП – и мы в дамках.

– А ты к кому едешь?

– Я просто на родину возвращаюсь.

– Это как?

– Как Одиссей, Эней, Тесей или какой-нибудь другой греческий персонаж, который блуждает по условному лабиринту Минотавра в поисках нити Ариадны, чтобы выбраться из скитаний, на которые сам себя обрек.

– Витиевато мысль излагаешь, – улыбнулся Женька, – сейчас начнется обсуждение античной мифологии. Школьная программа. Гомер, геркулесовая каша и так далее. Ты не мудри, ты пальцем покажи, ёшкин-макарешкин.

– Геркулесовая каша тоже будет в походе по реке Вороне, – признался я и невольно улыбнулся, глядя на задумчивое лицо Женьки. – Вкратце не объяснишь, а в общем получается довольно сложно. Ты вот слово «родина» как понимаешь?

– Вот ты загнул, прям как в том фильме: «Достоевский, патриот, русская идея», – неожиданно резко воскликнул рулевой. – А за что ее любить? Меня в Москве чуть не убили. Пришли в офис и говорят: «Или фирму на нас переформишь, или мы тебя прямо здесь за яйца подвесим».

И что прикажешь в такой ситуации делать? Как вспомню, так вздрогну. Еле ноги унес. Помнишь, как таксист из этого фильма говорил? «Там родина, где жопа в тепле». Ну ладно, у меня там родители, надо уважить, показаться на глаза, а так бы ни ногой.

– Засвидетельствовать почтение то бишь?

– Вроде того, – хмуро кивнул наш шофер.

– Вот и для меня родина – это как родители, – посчитал нужным добавить я. – Некое абсолютное сверхпонятие, которое не требует никакой причины, чтобы чувствовать привязанность. Достоевский, идеология и прочие слагаемые – это лишь дополнение, внешняя сторона, не отражающая сути. А любовь, думаю так, либо есть, либо нет, и политика или жизненные обстоятельства здесь совершенно ни при чем.

– Так-то оно так, – уклончиво согласился Женька, – но если трезво поразмыслить...

Размышления на трезвую голову не помогли нам, однако, избежать пробки на границе. Все рассуждения Владлена-Женьки о том, что есть варианты пересечь границу не в Бресте, а в другом месте, оказались пустым разглагольствованием. И мы измотались, стоя в бесконечной веренице автомобилей перед польским КПП. А что самое дурное в ожидании? Правильно, обезьяний мозг, прыгающий с одной темы на другую, и неостановимое дурномыслие. Что получится, если вместо пустопорожней болтовни попытаться перенаправить свое сознание на путь созидания? Я достал

тетрадь и попытался упорядочить мысли.

От неустроенности досуга, от безделья, от праздного пребывания в своем быту и лезут в голову дурные мысли. И человек испорченный, избалованный или уже вставший на порочный путь, дает этим мыслям волю, а то и непременно ищет быстрейшего их воплощения в той или иной форме. Эта скоропалительность и неумение отличать дурное от доброго характерна и для неокрепшего юношеского разума и для расшатанного взрослого сознания. Только с опытом, при соответствующем воспитании и складе ума, при должной настойчивости и твердости характера, человек наконец обретает способность отделять зерна от плевел, воспитывает умение сосредоточиваться на важном, отсеивая второ- и третьестепенную мыслительную шелуху: урезонивать блуд, остепенять похоть, переводить энергию пошлого вектора в конструктивное и созидательное русло.

В психологии, например, существует термин «сублимация», который некоторым образом описывает этот феномен. Однако что этот термин обозначает? Человеку вообще часто кажется, что если для какого-то явления придумано название, то и явление само по себе объяснилось. При этом абсолютно неясно, каким образом эта пресловутая сублимация работает.

Начинается этот процесс, видимо, с умения слушать себя самого, способности отстраниться от своих же мыслей, с по-

пытки трезво взглянуть на брожение ума с точки зрения стороннего наблюдателя. Это довольно сложный процесс, так как мы привыкли ассоциировать себя со своими мыслями, не только отождествляя свое «я» с образом своего мышления, но и взаимозаменяя эти две разные стороны человеческого сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.